

Севастополь и Крым

Вот уже десять лет, как я не стоял на палубе пассажирского корабля в открытом море. Это, как старый дом, в который возвращаешься после многолетней разлуки. Волны, несущие этот дом, берут свое начало от Босфора, наполненного близкими моему сердцу видениями. Я узнаю свой старый Восток, его море и небо, утяжеленные жарой и ярким светом. Кажется, что кто-то смешал в этом горниле бирюзу с золотом, чтобы ослепить наш взор. Солнце, спокойное и сильное в своей несказанной славе, медленно заходит с чувством выполненного долга и уверенности в завтрашнем дне. Струя воды за бортом издает нежный звук, похожий на шуршание шелкового платья приближающейся к тебе возлюбленной. Ночью голос моря становится более глубоким и торжественным; полная луна расстилает по темной воде свою мерцающую дорожку. Этому волшебству подвержены даже самые тяжелые характеры: все эти люди, еще минуту назад вышагивающие по палубе и громко разговаривающие друг с другом, внезапно останавливаются и умолкают, пораженные таким зрелищем. Среди них можно увидеть торговцев, отправившихся на поиски фортуны, больных, ищущих излечения, просто праздных людей, жаждущих всяческих развлечений. Сейчас вся их тщетная дневная суета на мгновение забыта; внезапно в их душе зарождается какое-то чувство умиротворения, как будто они находятся в святом месте, где звучат молитвы! Вечером к фортепиано подсаживается молодой офицер; вокруг него собираются пассажиры, которые еще утром были абсолютно незнакомы друг с другом. Судя по-всему, — это московские торговцы. Хором они распевают грустные русские песни, суровый ритм которых чудесным образом сочетается с голосом моря. Эти голоса смешиваются друг с другом: один от-

Маркиз Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848—1910), французский дипломат, писатель-путешественник, литературный критик, член Французской академии. Вниманию читателя предлагается отрывок из его книги «Воспоминания и размышления»: Vicomte Eugène-Melchior de Vogüé «Souvenirs et visions». 1887.

© Перевод Геннадия Беднарчика, 2010

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2010

ражает всю мощь морских волн, другой — всю палитру человеческих чувств. Но выражают они одно и то же, оба голоса поют в двойном ритме жизни: нескончаемый крик любви, так как жизнь стремится к бесконечности, и нескончаемый крик отчаяния, так как смерть во всех ее проявлениях мешает жизни длиться вечно...

На рассвете мы бросаем якорь близ Евпатории. Очень неудобный рейд, жидкая полоса домиков на песчаном берегу и несколько минаретов мечетей. Вот, пожалуй, и все.

В этот же самый день, в этот же час тридцать два года назад 14 сентября 1854 года первые батальоны союзников высаживались на этом самом пляже. Позже я вернусь к истории осады Севастополя.

Начиная от Евпатории пароход следует вдоль низкого и плоского побережья вплоть до Херсонесского маяка, расположенного на западной оконечности Крыма. Обогнув маяк, мы резко под прямым углом поворачиваем на восток к южному берегу. Внезапно перед нами вырисовывается скала с красно-золотистыми прожилками, ярко выделяющимися на фоне ярко-синего моря. Все это напоминает пейзажи Греции. Иллюзия сходства становится еще более ощутимой, когда мы проходим близ монастыря Святого Георгия. Со всех точек зрения, он очень похож на греческий Афонский монастырь: те же, нависающие над морской бездной, купола церквей. Георгиевский монастырь возведен на мысе Партедон, где когда-то стоял храм Дианы. На Востоке места молений никогда не меняются. Изменяется лишь само содержание молитв. В том месте, где однажды преклонился человек, святилища постоянно возрождаются из пепла, неся в себе новые символы веры. Они похожи на вырубленные дубы, возрождающиеся с пеньки, продолжая в новом теле жизнь прежнего желудя.

За мысом Партедон между двумя холмами открывается фиссура — узкий проход в Балаклавскую бухту, внутреннее миниатюрное море в самом защищенном месте побережья. Известно, какую услугу оказала эта бухта англичанам.

За Балаклавой начинается высокая цепь крымских гор. По-турецки эти горы зовут «Яйлой», что в переводе значит «пастбище-плато». На самом деле, — это гигантская, крутая скала, хребет которой высится над уровнем моря на расстоянии 1500—1600 метров и тянется на протяжении 180 километров от Балаклавы до Керчи. Ее северный склон представляет собой продолжение русской, плоской, голой степи, подверженной свирепой зиме. На некотором расстоянии эта степь прерывается гнилыми лагунами Перекопского перешейка, а затем незаметно повышается вплоть до самой вершины Яйлы.

Совсем по-другому выглядит южный склон. Он являет собою крутую, отвесную, перпендикулярную стену. Между подножием этой стены и морем в форме глубокой долины тянется полоска земли шириною от трех до шести километров. Эта узкая земляная каемка выглядит, как обращенная к югу чудесная шпалера, защищенная от холодных ветров и северного снега высокими горами. Здесь собраны все деревья, все цветы и все фрукты, произрастающие на 30-ом градусе долготы от Архангельска и до Бейрута.

Наш корабль следует вдоль этого берега, сначала пустынного в самой узкой своей части, а затем лесистого, покрытого виноградниками, вилами и дворцами. Уже можно различить все изгибы почтового тракта: дорога выплывает из Байдарских ворот, как змея из своей норы. Это так называемая «карнизная» дорога, которой по-праву гордятся русские, сравнивая ее с итальянской горной дорогой. Туристам настоятельно рекомендуют посетить Южный берег пешеходным путем через Байдарские ворота. В том месте, откуда открывается великолепный вид на красоты Крымского южного берега, расположен постоянный двор.

Что касается меня, то я предпочел морской путь: с корабля, огибающего полуостров, лучше видишь разницу двух склонов Яйлы и общую картину Крыма. Его географическая конфигурация хорошо объясняет важную роль, которую сыграл полуостров в мировой истории. Все народы во времена их переселения на мгновение присаживались на эту скалу, подобно перелетным птицам, отдыхающим на морском рифе перед тем, как продолжить свой путь. Крым для древних мореплавателей Востока был тем же, что Антиллы для исследователей западной Индии. Он был порогом в неизведанный мир. Люди обживали это очаровательное побережье, затем, постепенно углубляясь во внутренние долины, поднимаясь на вершины горных плато, они открывали для себя маячившую вдалеке непонятную Россию. В течение многих веков, в то время, как загадочная страна скифов оставалась скрытой непроницаемым туманом, только Таврида была единственным ярким пятном, свидетельствующим о существовании скрытого за ней большого континента. Именно Крымом ограничиваются познания Геродота и его современников о том, что расположено там, на севере. Позже Марко Поло обоснует в Солдае отделение своей торговой фирмы и оттуда будет связываться со всей Азией, а Рубрук¹, находясь в Крыму, займется исследованием Татарии и обнаружит в крымских горах готское племя, способное понимать его фламандское наречие.

С большим трудом можно назвать народность, которая на протяжении истории не соприкоснулась бы с этим крымским караван-сараяем и не оставила бы там свой след. Почва здесь состоит из исторически пересекающихся слоев, схожих с геологической стратификацией скалистой породы.

От времен греческого владычества остались здесь сокровища и звучащие, как музыка, названия поселений: Партенит, Симеиз, Орианда, Кореиз... Сегодня они звучат подобно эху разбитой лиры. На память приходят красивые строчки стихотворения Апухтина² на смерть поэта:

Но смерть не все взяла. Среди этих урн и плит
Неизгладимый след минувших дней таится;
Все струны порвались, но звук еще дрожит,
И жертвенник погас, но дым еще струится...

¹ Рубрук Вильям (1230–1391), фламандский монах-францисканец, автор книги «Путешествие в восточные страны» (прим. переводчика).

² Апухтин Алексей Николаевич (1841–1893), русский поэт.

Затем место греков заняли генуэзцы, хозяева средневекового Крыма. На краю почти каждого мыса мы видим сегодня остатки крепостей этих военных торговцев. Бок о бок с ними проживали тогда забытые остатки племен готов, алан, кельтов, а также секта евреев-караимов, поселившихся здесь, вероятно, сразу же после падения Второго храма. Начиная с тринадцатого века волна монгольского нашествия смывает и перемешивает все эти племена. Отделившись от Золотой Орды, татары-ногайцы, проживая в Крыму, долгое время представляли собой последний фрагмент империи Чингизхана. Затем последовала, длившаяся на протяжении двух веков, дуэль между Турцией и Россией. И в тот день, когда Екатерина II присоединила Крым к своей империи, Турция вынуждена была признать начало процесса своего распада.

Несмотря на свою географическую привязку к югу России, эта мусульманская, крымско-турецкая провинция с ее населением, растительностью и мечетями еще долгое время оставалась чуждой своему русскому хозяину, особенно в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков. В то время Крым был отдан на попечение татарам, признавшим верховенство российского законодательства. Наконец, в годы царствования Николая I граф Воронцов, губернатор Одессы, влюбившись в этот край, стал настоящим преобразователем Крыма. Все крупные изменения произошли именно в годы активной деятельности этого талантливого администратора. Он разбил виноградники, ставшие богатством полуострова, он же выстроил дорогу на Южнобережье. По окончании строительства своего дворца в Алушке, Воронцов, выбрав самые красивые уголки Крыма, построил там дачи и разбил сады. Несколько знатных вельмож последовали его примеру и обосновались по-соседству с ним. Это было романтическое время. Крым с его безумными роскошествами, пока еще мало известный широкой публике, представлял собой таинственный рай, предназначенный для проживания полубогов, поэтов и влюбленных.

Этот период закончился в 1854 году с приходом разрушительной войны. Большая часть татарского населения эмигрировала в Турцию, а русские пока еще не заняли их место. На протяжении последних пятнадцати лет жизнь и процветание возвратились в Крым вместе со строительством железной дороги до Севастополя. Покойный император предпочитал свою резиденцию в Ливадии всем другим местам отдыха. Он привлек в это место своих подчиненных и придворных. Ведь в царской России, как и во Франции времен Людовика XIV придворное общество потакает любому желанию своего государя. В данном случае все с большим удовольствием восприняли этот благословенный берег, где блеск царского двора так хорошо сочетается с сиянием солнца.

В то время, как я беседую обо всем этом с крымчанами, стоя на палубе корабля, опускается ночь, на рейде зажигаются огни, корабль замедляет свой ход: мы оказываемся у берегов Ялты. Я схожу на берег. С балкона моей гостиницы открывается незнакомый, восточный, чарующий вид на город с его прячущимися среди тополей и кипарисов белыми домиками. Позади города полукругом

расположились высокие горы, а спереди — неподвижное море с отражающимся в нем большим золотистым лунным треугольником.

Ялта, 15 сентября

Очарование полностью рассеивается с наступлением светлого утра. Действительно, на города и на людей лучше смотреть ночью! Единственно приятным глазу остается полукружье гор, украшенных сосновым лесом. Что касается долины, то ее растительность довольно убога: маленькие чахлые платаны и тощие тополя. К тому же, все это покрыто таким толстым слоем белой пыли, что создается ощущение, будто вся эта растительность произрастает в какой-то печи по производству извести. Сам город представляет собой нагромождение домиков в мавританском новорусском стиле, вернее сказать, в пригородном стиле, представляющим собой эклектическую помесь Царского села, Александрии и Аньера³, особенно Аньера. Строят повсюду. Спекуляция становится очень модной в Ялте. Земли продаются на вес денежной массы. Воздух пропитан пылью и штукатуркой новостроек вперемежку с тошнотворными запахами татарского квартала. На набережной расположены гостиница-казарма, дома на съём и неизбежные в таких местах магазинчики, где продают всякую чепуху, морские раковины и кавказские диковины.

Болезненного вида чиновники прогуливаются по набережной, меланхолично поедая кисти винограда: как раз сейчас наступает сезон виноградного лечения. Другие отдыхающие, предпочитающие морские ванны, копошатся у примитивных фанерных купален. Одним словом, у Ялты нет своего характера, ей недостает местного колорита какой-нибудь деревеньки на Босфоре или генуэзского поселения. Она пока еще не достигла западного уровня комфорта и элегантности. Ялту можно сравнить только с первобытной, зарождающейся Ницей...

Этот курорт переживает лишь первую неуклюжую стадию демократической популяризации: все, что предназначалось для избранных, очень робко открывает свои двери для широкой публики. Однако качество услуг не соответствует потребностям огромного количества отдыхающих. Здесь недостаточно развита конкуренция, являющаяся двигателем демократического предпринимательства, подобно тщеславию, способствующему росту аристократических изысков.

Если говорить о живописности домов обитателей Ялты, то они чаще всего схожи с грубой вычурностью декораций комической оперы, призванной, в первую очередь, удивить иностранца. Я замечаю присутствие немногочисленных татар, в основном, проводников в обшитых золотом костюмах, предлагающих конные прогулки. Это особый тип татар, использующих свою восточную внешность для привлечения клиентов. Они слишком уверены в своей красоте и понимают ее ценность для фотографов. Основная же часть местного населения —

³ Аньер-сюр-Сен, туристический городок близ Парижа (прим. переводчика).

это приехавшие сюда на заработки русские мелкие торговцы или наемные рабочие. Ялта — не то место, где можно увидеть настоящую Россию во всей ее прекрасной и печальной силе. Здесь мы видим Россию, заgrimированную под восточный манер, сильно напоминающую итальянские модели Монмартра. Вечером из городского театра доносятся припевы из «Парижской жизни»⁴ и «Мадам Анго»⁵.

Ореанда, Алупка, Симеиз, 17—19 сентября

В эти дни я посещал самую прекрасную часть Южнобережья между Ялтой и Симеизом, где расположены самые роскошные виллы. Я не хочу углубляться в многочисленные монотонные описания: они не смогли бы отразить разнообразие постоянно меняющихся картин, состоящих из одних и тех же элементов, заключенных в одни и те же рамки, когда последняя картина всегда превосходит по красоте предыдущую. Однако, хотелось бы все-таки остановиться на описании двух знаменитых мест — Ореанды и Алупки. Живя в России, невозможно не услышать в разговорах постоянное упоминание в возвышенных тонах об этих крымских драгоценностях. Это упоминание вызывает у людей большое любопытство и надежду увидеть что-то поразительное. Увиденное не обмануло наших ожиданий.

Ореанда, имение Великого князя Константина, расположена на небольшом расстоянии справа от Ялты. Мы попадаем туда, минуя Ливадию, императорское владение, вызывающее всяческое восхищение. Однако, эта Ливадия бледнеет на фоне своей роскошной соседки. Действительно, искусство и человеческая фантазия умело украсили изящное ливадийское гнездышко, но в Ореанде постаралась сама природа и сделала это просто великолепно! Никаких виноградников, очень мало садов, вместо всего этого — гигантское рельефное полотно дубового леса, спускающееся по склонам Яйлы вплоть до самого моря. Местами это полотно прерывается огромными скалистыми выступами и обрушившейся горной породой, грозно отражающейся в прибрежной морской воде. Непривычные для глаза впечатления сильно контрастируют друг с другом. В небе и на горизонте мы наблюдаем африканское сияние, под сводами деревьев и скал в прохладной тени мы любимся растительностью альпийских лугов. По побережью раскиданы скелеты каменного хаоса, а у их подножья без всякого перехода в виде какого-либо пляжа плещется незыблемое лазурное покрывало безмятежно уснувшего моря. Оно схоже с глубиной человеческой души и с голубизной человеческих глаз. В глубине узких оврагов шумят быстрые водопады. Три голоса объединяются в одно вечное музыкальное целое: журчание ручьев, порывы ветра на верхушках деревьев и молитвенное бормотание волн, накатывающих на морскую гальку. Два последних голоса в зависимости от силы ветра и высоты волн по очереди солируют в этом концерте, подоб-

⁴ Оперетта Жака Оффенбаха (1866 г.) (прим. переводчика).

⁵ Оперетта Шарля Лекока (1872 г.) (прим. переводчика).

но меняющимся голосовым регистром псаломщика, воспевающего земную славу. Иногда к этой музыке присоединяется звон бронзового колокола. Он исходит от веток старого дуба, где кому-то пришлось в голову подвесить церковный колокол.

Несколько лет назад в результате пожара был разрушен дворец в Ореанде. Великий князь пожелал использовать остатки здания для строительства церкви. Он решил в точности воссоздать архитектуру древних византийских часовен Грузии. Сам князь лично показывал мне эскизы мозаики, заказанной Сальвиати⁶, а также многочисленные детали убранства церкви, превращающие ее в художественную драгоценность.

В то время, как он рассказывал мне о своих планах, я с удивлением заметил, что князь дал смотрителю церкви какое-то указание на турецком языке. И я услышал рассказ о необыкновенной одиссее его ризничего. Это — бывший офицер оттоманской армии, взятый в плен русскими на Кавказе в 1854 году. В плену он увлекся христианским учением. После подписания мира его отправили в Константинополь, но он решил вернуться в Россию, принять православие и посвятить себя Богу... Однако, ни один из монастырей не принял его. Он стучал во все святые двери Киева, Кавказа, горы Афон, — нигде монахи не желали принимать этого обрезанного. Отовсюду изгнанный, усталый, он вернулся к своему покровителю, который взял его своим ризничим.

Этот турецкий офицер, служитель православной церкви, символизирует естественную интеграцию русских и мусульман в Крыму.

Никогда не устаешь бродить по этому лесу, так как на каждом шагу тебя ожидает новый сюрприз: открывается занавес, и ты созерцаешь очередной потрясающий вид.

Возвращаясь к дороге, я достигаю вершины самой высокой скалы, увенчанной ротондой с греческой колоннадой. С этого места взгляд охватывает ялтинский рейд и всю манящую бездну. Парусники направляются в открытое море, а вместе с ними туда же устремляются наши мысли. Через некоторое время и парусники, и мысли теряются в неведомых далях. Появляются очередные парусники, и кажется, что нагружены они каким-то непознанным счастьем. Вот только всем им не хватает попутного ветра, чтобы достичь земли.

После Ореанды почтовый тракт идет в гору, пересекает перевал, отделяющий ялтинскую долину от алупкинской и затем вновь спускается по другому склону. Дорога проходит между татарскими деревнями Гаспра, Мисхор и Кореиз. Повсюду мы встречаем расположенный в центре поселка среди платанов изящный турецкий фонтан с цитатами из Корана. Обычно, вокруг этого фонтана отдыхают женщины. Дорога разветвляется и проходит под Мисхором среди спрятавшихся в теплых складках долины оливковых рощ. Вскоре мы оказываемся у парадного входа в Алупкинский дворец. Эту резиденцию Воронцов захотел сделать столицей своего маленького Крымского государства. Здесь его пышная гениальность попыталась соперничать со сказками «Тысячи и одной ночи». Представьте себе слегка наклоненную сцену театра, партером которого будет

⁶ Сальвиати Антонио (1816—1890), итальянский мозаичист.

морская бухточка, а задником сцены послужит горная стена. Именно здесь эта строго идущая по вертикали стена достигает своей самой большой высоты; она служит пьедесталом зубцу Ай-Петри, кульминационной точки всей горной цепи. Эта разрезающая небо сверкающая скалистая масса похожа на темный стол из лазурита. Отполированная поверхность скалы отражает свет, направленный на нее большим морским зеркалом. Именно на этом фоне появляется дворец в арабском стиле, построенный из голубовато-серого гаспринского мрамора. По центру фасада, выходящего на море, расположен огромный портал гранадской Альгамбры⁷, воспроизведенный во всех деталях, размерах и орнаменте оригинала: колонны и кубы, оштукатуренные под белый мрамор, надписи вязью на зеленом фаянсе. От этого портала вниз до самой морской гальки ведет большая лестница, по обеим сторонам которой расположены стерегущие ее львы из каррарского мрамора. Однажды в море нам показалось издалека, что эти большие белые животные похожи на вереницу египетских сфинксов. Перед обоими крыльями дворца в форме зимних садов, или виноградных беседок раскинулись прекрасные террасы; огромные виноградные лозы вылезают то тут, то там из букетов пахучих цветов. Над парапетами этих террас сквозь густой покров из цератония, смоковниц, мирты и тамариска просматривается сверкающая морская гладь. Вокруг жилых помещений, начиная с самых верхних тропинок и кончая пляжем, парк раскрывает перед нами свои растительные сокровища: редкие породы деревьев, густые и высокие рощи магнолий, аллеи из кедра и кипариса, ореховые деревья, сикоморы, одинокие зонтиковые сосны, разбросанные по дужайкам, соперничающим в зеленом цвете с самой морской волной.

Этот по-настоящему помещичий замок отвечает самым повышенным требованиям. Конечно, дворцы султана в Константинополе и на побережье Азии более внушительны, но они не могут соперничать с алушкинским дворцом в великолепии архитектурных деталей, в красоте окружающей местности и садов. Только русский первой половины девятнадцатого века мог задумать и осуществить эту восточную феерию. В России это чудо сродни «пальмовым» балам Зимнего дворца, когда при 20-ти градусном морозе гости прямо с заснеженной дороги попадали в зал, превращенный в тропическую теплицу, где дамы, скинув свои шубы, в декольтированных платьях танцевали под сенью пальм, апельсиновых деревьев и цветущих камелий. Россия обожает невозможное, которое очень быстро надоедает ей. Высокие мавританские залы алушкинского дворца сегодня пустынные и имеют заброшенный вид. В лабиринтах парковых аллей я встречаю только одинокого татарина, спешащего к себе в деревню...

За пределами Алушки почтовая дорога сужается, посадки спускаются к самому пляжу. Маленькая симеизская бухточка приютила под скалой последнюю группу домиков, замыкающих западное побережье. Я приехал сюда навещать своих старых друзей. Случай свел в этом уединенном месте двух людей, оказавших огромное влияние на судьбы России последней четверти XIX века: ге-

⁷ Замок, построенный маврами в Испании в XIV веке (прим. переводчика).

нералов Милютина⁸ и Игнатьева⁹. Первый отдалился от дел и с невозмутимым видом возделывает свой виноград, в то время, как море нашептывает ему мысль о том, что все в мире суета сует.

Второй генерал живет здесь как бы проездом. Этот приветливый человек, обладающий юношеским задором и неистощимым остроумием, всегда готов к действию. На берегу этой солнечной бухты, среди этого азиатского пейзажа, окруженный своими слугами-турками, Николай Павлович Игнатьев может вообразить себе, что он находится в Бююкдере¹⁰, а шум волны доносит до него звуки Константинополя или болгарского побережья. Время течет быстро за беседой, насыщенной общими воспоминаниями о Босфоре, об ушедших знакомых и о ставшей более понятной, современной истории. Наши противоположные мечтания пятнадцатилетней давности кажутся общими; то, что для дипломата, заботящегося о могуществе империи, является тонким расчетом, для простого путешественника становится химерой. В вечерних сумерках любой дым окрашивается в один и тот же цвет...

Возвратившись в Ялту, я застаю в обеденном зале гостиницы вернувшихся с пляжа отдыхающих. Когда ты почти целый день провел среди прекрасных деревьев, люди тебе кажутся менее привлекательными. Да, но как любопытно наблюдать за ними! Особенно в этот час, когда каждый отдыхающий, окопавшись за своим маленьким столиком, ест и думает в полном одиночестве. Здесь можно увидеть абсолютно разных людей: торговцев, служащих, офицеров, праздношатающихся и, даже, двух католических священников. Это, без сомнения, поляки: никакая деталь их одежды не выдает принадлежности этих людей к сану, но на их лбу неизгладимо запечатлен отблеск алтарного свечения. Снаружи трубач исполняет серенаду Шуберта. В то время как пицца и вино наполняют теплотой головы отдыхающих, влияние этой музыки по-разному отражается на лицах посетителей: можно заметить то ускользающее блаженство или глубокую сентиментальность, то меланхолию или усилие памяти. Для большинства музыка — это только допинг, усиливающий мыслительную деятельность данного момента: размышление о прибыли, амбициозный проект, озабоченность состоянием здоровья, игривые мысли, абстрактные размышления. Каждый надевает свою маску и очень огорчается, видя, что кто-нибудь догадывается о том, что происходит в его черепушке, не отдавая себе отчета в том, что все эти черепушки, наделенные одинаковым механизмом, легко проницаемы. Они следуют своим мыслям, подогреваемым первым стаканом вина и охлаждаемым вторым. Счастливые люди! Они решают судьбы мира в соответствие с мыслями, которые забавляют их в данный момент; ни один из них не ужаснется идее о том, что их черепушки — это только маленький клапан огромного механизма, что жизнь продолжается по своему, особенному замыслу, вне зависимости от этих

⁸ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), крупный государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал (*прим. переводчика*).

⁹ Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), российский государственный деятель, дипломат-панславист, граф, генерал от инфантерии (*прим. переводчика*).

¹⁰ Пригород Стамбула (*прим. переводчика*).

мелких частных мыслишек. Ни один из них не признается себе в том, что вскоре эта безжалостная жизнь использует их черепашки по другому назначению, когда, разложившись под землей, их элементы будут перемешаны для создания новых комбинаций великой игры! Что останется тогда от этих миллионов мыслей, только что родившихся в головах посетителей столовой гостиницы «Россия»? Куда же уходит вся эта мыслительная пыль? Она оседает на огромное количество себе подобных образований. Однако, всем этим черепашкам нет дела до наших выводов. Они продолжают функционировать с огромной скоростью, используя новую кровь, поставляемую жизненной энергией желудка. Это смешно, и все же, если бы мы могли затронуть в эту минуту особые пружины мозгового механизма, то с помощью определенного слова, театрального зрелища или с помощью определенных музыкальных мелодий мы могли бы заставить этих людей совершать возвышенные поступки: все эти люди стали бы героями, торговец забыл бы о своих доходах, женщина пожертвовала бы собой, солдат отдал бы свою жизнь, священник стал бы мучеником. Ведь для того, чтобы добыть себе пищу, уже на протяжении тысяч лет человеческий мозг готов придумывать прекрасные, математически выверенные, ничем не поколебимые измышления.

Впрочем, утром на следующий день при пробуждении неугасимый светлый луч, один на всех, на мгновение озарит нашу мысль, еще независимую от работы желудка и даже не связанную с мозговой деятельностью, и исправит все плохие и противоречивые размышления этого вечера. Я полагаю, что все наши черепашки одинаково настроены с большой долей доброты и понимания в соответствии с великим божественным замыслом... Да внешне деревья выглядят более величественно, но как забавен и таинственен человек! Как он глуп и как свят!

Ай-Петри, 20 сентября

После Чатыр-Дага, горы-шатра, центрального узла Крымского массива, зубчатая Ай-Петри является самой высокой вершиной Яйлы. Она доминирует над Ялтинской и Алуштинской долинами, а также над всей прибрежной линией от Фороса до самого Гурзуфа. На эту вершину надо подняться не просто для того, чтобы преодолеть расстояние, а потому что никакая другая прогулка не позволяет лучше увидеть, с какой скоростью различные растительные зоны, расположенные по склону горы, сменяют друг друга, а также потому, что никакой другой маршрут ни в Ливане, ни на Апеннинах не предоставляет такого богатства и роскошества точек обзора. Хорошо обустроенная дорога на протяжении двадцати пяти километров ведет нас от Ялты до самой вершины плато. Оттуда еще четверть часа пешком — и мы достигаем зубца Ай-Петри. Внизу, в долине остаются виноградники и южнобережная растительность. На каменистой, выжженной почве первых отрогов горы произрастают лишь многочисленные кустарники: боярышник, можжевельник, шиповник, дикий ломонос. Чуть

выше начинаются пинии: именно в этом месте по примеру Аркашона¹¹ оборудован санитарный кордон. Где-то посередине вперемежку с хвойными деревьями, появляются дубы, клены и осины. Еще несколько сот метров и уже ничто не может нарушить однообразия густого леса. Особо украшают его ели и сосны, они затемняют всю эту горную воронку с ее дорожными спиралями. Море этого черного леса расстилается под нашими ногами, и на его фоне другое море, настоящее, кажется еще светлее и золотистее. На повороте каждой дорожной спирали меняется вид: иногда он простирается до ялтинского рейда, иногда до Кореиза, Мисхора, иногда предстают картины другого склона горы. По мере приближения к вершине сосны уступают место буку, сначала крепкому экземпляру, затем послабее и, наконец, появляются совсем чахлые деревца, растущие в расщелинах скалистого грунта. Еще один уступ — и мы — на плато. Температура резко падает: нет ни деревьев, ни кустарников: кругом одна только степь с редкой травой, растущей вокруг водоемов с горько-соленой водой. Мы попадаем в Россию. Перед самой вершиной нам еще попадаются, зацепившиеся за скользкие камни, карликовые буки и кустики брусники. Затем исчезает всякая растительность. Нет, ошибаюсь: на одной из скал я замечаю альпийскую анемону. О, красивый маленький цветок, растущий между морем и небом! У него голубое сердце, отражающее цвет двух единственно красивых вещей, которые он созерцает на протяжении всей своей жизни.

Этот цветок — первое звено в цепочке жизни, стоящее на вершине пирамиды растительного царства, основание которой мы так детально описали. Наш анемон смело предвещает великий лесной народ; все растительные соки изливаются в его чашечку, он первым принимает на себя лучи восходящего солнца и, полностью игнорируя могущественные создания, раскинувшиеся внизу, он абсолютно уверен в том, что весь мир принадлежит только анемонам. Нет, мой маленький цветочек, мир принадлежит человеку, который срывает тебя и уносит с собой в дальние страны.

Мы подходим к краю вершины. Чтобы избежать головокружения, ложимся на землю и осторожно высываем голову. Прямо под нами на расстоянии 1600 метров вытянулась тонкая лента морского побережья, прерываемая игрушечными мысами, заливами, дворцами и деревеньками. Дальше — необозримая морская гладь, усеянная черными мушками-пароходами. На некотором расстоянии от нас внизу в скалистой расщелине растет большая сосна. Наблюдая за тем, как ее сестры — корабельные мачты бороздят морской простор, испытывает ли она при этом то же чувство зависти, что и человек в подобной ситуации? Вергилий утверждал: «Casus abies visura marinos»¹². Напротив нас раскинулся, утопающий в ярком свете, южный теплый горизонт. Море плотно соединено с небом посредством вуали молочного тумана, окутывающего все азиатские земли. Потоки горячего воздуха поднимаются из бездны, над которой мы наклонились. И все же мы дрожим от укусов ледяного ветра. Он обрушивается на нас сзади. Это дыхание России. Обернувшись к северу, нам кажется, что

¹¹ Город на юго-западе Франции (прим. переводчика).

¹² Сосна не боится бурных морей (с лат., прим. переводчика).

мы видим всю эту страну, чувствуем ее мощную поступь на протяжении тысяч верст... Начиная с этого плато, не меняя ни своего облика, ни климата, до самого Белого моря простерлась огромная, ровная Россия. Через несколько дней она домчит до этого места свой снежный покров. И только под этой горой солнце оспорит у нее маленькую бахрому из золота и цветов на фоне грустного, длинного заснеженного плато.

Здесь, на краю бездны, заканчивается Россия. Как и мы, она созерцает очарование моря, ее соблазняют красоты восточных царств: слева — Кавказ и Армения, справа — Босфор и сверкающий мираж купола Святой Софии. Как и у нас, у России кружится голова при виде горизонта Яйлы.

Ночь застает нас при спуске в сосновом лесу. Татары, перевозящие в долину дрова с этой горы, разбивают бивуаки вокруг больших костров. Пурпурный огонь отражается на стволах больших деревьев, а между иглами высоких сосновых зонтиков сверкают звезды-светлячки.

Байдарская дорога, 21 сентября

Из Ялты до Севастополя по дороге, построенной Воронцовым, можно доехать за один день. Это чуть меньше ста километров. Расстояние не ощущается, прогулка просто великолепна, пока мы едем по южному склону, но пейзаж резко меняется, когда мы оказываемся по другую сторону этого склона. Я уже несколько раз ездил по воронцовой дороге, видел эти замки, деревни, чарующие глаз своим видом и слух своими названиями: Орианда, Мисхор, Кореиз, Алупка, Симеиз... Именно за Симеизом и до самой оконечности бухты — мыса Ласпи — подножье Яйлы становится диким и пустынным; его высокие горные стены, нависающие над дорогой, слишком опасны и нестабильны для строительства здесь каких-либо зданий. Каждые десять или пятнадцать лет очередной фрагмент этой стены обрушивается вниз. На этих скалистых лавах татары обустривают свои деревни. Именно таким образом родились Лиман, Кикинеиз и Форос.

Последние повороты дороги перед Байдарскими воротами. Мы пересекаем каменный хаос, такой же как в Пиренеях: нет ничего более живописного и дерзкого, чем чудеса эквилибристики, демонстрируемые отдельными обломками этих гор. Огромные лысые грифы вылетают из скалистых расселин и планируют над вершинами Яйлы.

Гранитный пилон, образующий маленький туннель, поглощает отрезок дороги горного ущелья, через которое мы покидаем Южный берег Крыма. Это место называется Байдарские ворота из-за одноименного названия долины, расположенной по другую сторону ущелья. Эта долина связывает плато Яйлы с Херсонесским плоскогорьем. Байдары — это огромная лесная воронка с полянами, на которых раскиданы мусульманские деревеньки. Эта часть маршрута привлекательна настолько, насколько что-либо может заменить неподражаемые красоты лучезарного южного моря.

Мы выезжаем из Байдар через довольно узкое горное ущелье. Внизу протекает приток речки Черной. Начиная с опушки ущелья, с того места, где расположена почтовая станция, и дальше простирается вереница неясных холмов, пустынная, вымершая местность. И только один предмет вдалеке привлекает наше внимание: что-то наподобие ограды с башней. Я спрашиваю у маленькой девочки, единственного живого существа, стоящего у дверей станции, что виднеется там, на горизонте. «Это французское кладбище», — отвечает она. А вот и первый ориентир Севастополя! Очень хорошо! В этом печальном ущелье вид кладбища потрясает наше воображение.

Но все же, как далеки мы от прекрасных пейзажей Южного берега! Сначала голые, песчаные равнины, затем плоскогорье Херсонеса, кладбища, памятные пирамидки на полях сражений. Впереди виднеется Кадыкой, где пали в сражении драгуны Эннискиллена и серые шотландцы лорда Кардигана, поддерживаемые африканскими стрелками генерала Аллонвиля. Вдоль всей этой дороги вплоть до самого Севастополя встречаются похожие друг на друга, покрытые черной пылью, напоминания о той войне.

А вот и огни самого города!

Севастополь, 21—23 сентября

До недавнего времени Севастополь оставался таким, каким застали его союзники 9 сентября 1855 года: город-труп, погребенный под слоем камней, раздробленных бомбами, взрывами и пожарами. Нельзя было даже назвать это руинами. В этой второй Трое, как называл Севастополь маршал Вайан, даже руины были истреблены. Население, составляющее вместе с гарнизоном 45 тысяч душ до начала осады, после нее уменьшилась до пяти-шести тысяч человек. Ничто более не тревожило воды севастопольской бухты, кроме фантомов кораблей, мачты которых вот уже тридцать лет как торчали из-под воды. Сегодня, благодаря политическим обстоятельствам, вернувшим России свободу действия на Черном море, этот многострадальный город возрождается. Железнодорожная ветка, проходящая через всю империю, соединяет Петербург и Москву с Южной бухтой Севастополя. Белые, кокетливые домики постепенно вырастают посреди развалин. Но это только начало: есть еще очень много разрушенных кварталов, где сквозь остатки фундаментов пробивается трава, а балки и щебень так и валяются в том месте, где в дом влетело ядро. Несмотря на большое количество описаний Севастополя, все же довольно трудно найти нужные исторические места среди всего этого нагромождения холмов, оврагов и бухт, рассекающих город на отдельные участки. Для путешественника, прибывающего сюда с моря, эта запутанная панорама вычерчивается в несколько крупных линий: справа — городской курган с новыми и разрушенными домами, слева — скала и маленькие петли Северной стороны с ее «Братским кладбищем», а напротив нас — закругляющая шпору залива. Корабельная сторона, с ее арсеналами, складами и сухими доками. Восхитительный порт! За исключением Золотого рога, я не знаю ни одного другого более просторного и защищенного порта на

всем Ближнем Востоке. Все сделала сама природа. Нет необходимости в строительстве молов. В самую штормовую погоду внутреннее озеро Южной бухты, соединенное с основным заливом, предоставляет целому флоту надежное и глубокое убежище. Над складами Корабельной слободы на широкой земляной насыпи наш взор сразу же привлекает огромная импозантная масса. Вечером при свете луны она напоминает нам римский Коллизей. Это здание казарм, вытянувшееся амфитеатром лицом к порту. В свое время оно могло вместить целую армию. Сегодня от этих казарм осталась лишь полукруглая стена, продырявленная тысячью отверстиями. Прислоненная к этим развалинам, на вершине высокого постамента, возвышаясь над всем рейдом, стоит бронзовая фигура адмирала Лазарева. Потрясающий эффект!

Поверх всего этого, вдалеке высятся изрезанные балками известковые скалы, соединяющиеся на горизонте с Инкерманом и с вершиной Сапун-горы. Все, что мы видим, лишено растительности, стерильно и пыльно, как полигон. На первом плане среди высот выделяется лишь белая точка Малахова кургана. Вся активная деятельность города сосредоточена вокруг военного порта и складов вооружения. Работа кипит и днем, и ночью при свете прожекторов. Но не надо ожидать увидеть здесь лес мачт. Россия слишком громко заявила о своих усилиях и надеждах, в результате у всех сложилось впечатление, что новый Черноморский флот уже воссоздан. На самом деле вот что собою представляет этот флот: еще не до конца оборудованный, недавно освященный в присутствии императора, броненосец «Чесма», стоящий пока на стапелях броненосец «Синоп», несколько сторожевых кораблей и монстры-поповки, знаменитые круглые морские крепости, воплощение неудачной инженерной мысли. Среди них — плавающий замок «Ливадия», который так никогда и не выйдет в плавание. Среди крупных кораблей извиваются длинные стальные стрелы торпедоносцев. В самые светлые вечера, когда эти невидимые стрелы бороздят рейд, с берега видны только их снующие туда-сюда бестелесные огни.

Здесьние моряки хорошо сложены и бодры, ведут себя прилично и неприужденно.

Пока еще в этом городе-страдальце мало привлекательного. Небольшое оживление наблюдается лишь на подковообразном Приморском бульваре, вытянувшимся вдоль всей городской пляжной линии. В музее обороны города сторож-ветеран показывает мне исторические экспонаты. В Херсонесе заканчивается строительство собора, предназначенного для замены древнегреческого храма, точной копии храма Тезея в Афинах, от которой осталось лишь несколько выщербленных колонн. На четырех стенах другой новой базилики, расположенной на холме в центре города, установлены четыре доски из черного мрамора, на которых выбиты имена четырех легендарных адмиралов Лазарева, Истомина, Корнилова и Нахимова. Два последних имени особенно часто упоминаются русскими с некоторым оттенком набожности: в русской истории нет более справедливо почитаемых адмиралов. Корнилов и Нахимов сравнимы в своей простоте и величии со всеми героями Плутарха. После себя они оставили са-

мый чистый образ нравственной красоты, облагораживающий память об умершем, так же как иногда физическая красота облагораживает образ покойного.

Оборонительные линии времен осады

Для того, чтобы увидеть памятные места, вызывающие наш интерес, надо выехать из города. Места эти — кучи земли, прорытые траншеи, бесформенные развалины, напоминающие нам об одной из самых ужасных трагедий современной эпохи. Вокруг Севастополя еще до сих пор хорошо сохранились линии обороны и осады. Хоть сегодня армии могли бы вернуться на свои позиции и продолжить инженерные работы с того места, где они были остановлены.

На вершине городского холма, на склоне напротив оврагов маленькая площадка, засаженная кустарником, носит название Исторического бульвара. Здесь располагался Мачтовый, четвертый бастион. Эта точка была центром всей обороны. В сознании русского человека это место стало особо священным и героическим. С ним связаны самые страшные воспоминания и страдания защитников города. Долгое время в армии офицеры с четвертого бастиона пользовались особым уважением. Это были уникальные люди. Один из таких людей, писатель Толстой, рассказывал как жили и умирали на четвертом бастионе. Те, кто читал «Севастопольские рассказы» этого великого романиста, никогда не забудут захватывающего описания небольшой дороги, где посреди конвоя раненых разрываются бомбы, где солдаты и командиры, идущие на бой, встречаются с теми, кто возвращается с битвы. Их сердца переполнены чувствами страха, решимости, гордости и ужаса.

Именно на этой дороге сегодня расположен Исторический бульвар. Он оканчивается большим рвом. Здесь были вырыты узкие землянки, где защитники бастиона играли в карты, ожидая своей очереди подняться на бруствер, откуда они часто уже не возвращались. По другую сторону бруствера земля выглядит так, как будто какой-то адский плуг пропахал ее во всех направлениях. По всей линии обороны, вытянувшейся на 7—8 километров, эта земля пропитана осколками снарядов тысячи пятисот орудий, безостановочно утюживших ее на протяжении двенадцати месяцев. На другой стороне рва мы уже наблюдаем окопы союзников. Справа от нас — Херсонесское плато, тянущееся до Камышовой бухты, где располагались французские войска. Сегодня единственнымцелевым сооружением того времени является маленький домик, спрятавшийся в зелени деревьев. Именно в нем располагался главный штаб Пелисье¹³. Ближе к северу мы замечаем Большой редан и Зеленую горку, — линию атаки английской армии. Все эти знаменитые в свое время места сегодня пустыньны и заброшены. Каким количеством человеческих жизней заплатили союзники за обладание этими горами щебня!

Крутая тропинка ведет нас на Малахову башню. Слово *башня* слишком громко звучит для этой оборонительной постройки высотой всего лишь в

¹³ Пелисье Жан-Жак (1794—1864), маршал Франции. В 1855 г. — командовал под Севастополем французской армией.

несколько метров. Всем известно, как горстка защитников долго держалась внутри этой башни, расстреливая своих врагов из ее амбразур. На Малаховом кургане, как и на четвертом бастионе, на месте разрушенных укреплений русские разбили небольшой садик. Они собрали останки своих солдат и союзников и похоронили их в общей могиле, соорудив на ней памятник в форме пирамиды. Здесь также повсюду прошелся адский плуг: вокруг кургана еще отчетливо видны стрелковые окопы, а дальше в сорока пяти метрах от них — знаменитая траншея, откуда Мак-Магон¹⁴ начал заключительный штурм. Здесь в любой точке можно, поддев землю ногой, обнаружить пули и запалы. С вершины этого холма отчетливо виден весь город и становится понятным почему, потеряв Малахов курган, дальнейшая оборона Севастополя становилась бессмысленной. До того, как союзники не овладели этим местом, они сами не подозревали о его значении, и только поднявшись наверх, они увидели, что город полностью в их власти.

Кладбища

За пределами Севастополя, за пределами линии обороны расположена третья линия. Это город мертвых. Город живых выглядит намного меньше по сравнению с этой обширной территорией некрополей, где покоятся более двухсот пятидесяти тысяч солдат и офицеров из разных стран. Я назвал общепринятую минимальную цифру потерь. Все захоронения осуществлены по-разному. Есть закрытые кладбища на освященной земле, а есть отдельные захоронения на открытых участках. Еще существуют общие могилы под пирамидами на местах Балаклавского, Инкерманского и Альминского сражений. Сначала я посещаю французское кладбище, расположенное на Херсонесском плато, там, где стоял наш лагерь. Сегодня это огороженное место, украшенное несколькими деревьями, можно считать частью французского лагеря, забытой после ухода большой армии. Эти, вытянувшиеся вдоль аллеи белые склепы, похожи на застывшие навсегда большие походные палатки. На мраморных досках можно увидеть длинный список имен из скорбного справочника мертвых. Многие имена связаны со знаменитыми эпизодами осады, некоторые уже читаются с трудом, так как каждую зиму русские снега уносят с собой очередные буквы этих славных имен. Когда-то я имел случай пожаловаться на неудовлетворительное состояние нашего кладбища и сегодня с радостью констатирую, что были приняты все необходимые меры...

Далее расположено кладбище наших славных союзников-англичан. А за ним следуют отдельные погребальные островки, тянущиеся вплоть до скалистых берегов Северной бухты, где находится большое русское «Братское кладбище». Это народное название некрополя. Он виден отовсюду. Крест на вершине кладбищенской церкви — первое, что замечают мореплаватели, возвращаясь в Севастополь. На зеленых склонах очень трогательно перемешаны захоронения,

¹⁴ Мак-Магон (1808—1893), французский генерал.

среди могил знаменитых военачальников, князей рюриковских кровей, на каждом шагу встречаются плиты с простой надписью: «Братская могила». Там покоятся безымянные останки тысяч русских крепостных, прибывших сюда из глубины лесов необъятной России, для того, чтобы защитить этот скалистый город, о существовании которого они до этого даже и не подозревали. Эти бедные крестьянские сердца оказались самыми благородными сердцами на свете.

На одном из склепов, украшенных свежими цветами, начертано имя *Тотлебен*. Его совсем недавно перезахоронили среди своих... На вершине кладбищенской горы установлена византийская церковь в форме приземистой пирамиды. В день Пасхи местный священник одним и тем же жестом, одними и теми же словами поминает всех усопших христиан этого огромного пространства. С террасы у церкви мне вдруг слышатся внизу, на равнине слова военных команд, шум катящихся орудий и зарядных ящиков: вся территория между кладбищем и заливом занята под военный полигон. У ворот кладбища проводят учения! В этой беззаботной близости, почти браваре, чего больше всего: безумства или величия? Сколько бы вы ни размышляли о войне, в итоге вы всегда придете к этим двум понятиям. Один только де Местр¹⁵ понял, в чем заключается тайна войны: именно война позволяет человеку проявлять чудеса героизма, только благодаря войне человеку прощаются самые низкие и сомнительные поступки в его жизни. Вчера я попытался своим бедным человеческим умишком определить практические результаты Крымской войны и пришел к выводу, что единственный результат этой войны, как и других войн — это то, что в таком разрушенном и многострадальном месте, как Севастополь, человек обнаруживает в себе свои самые лучшие черты, он чувствует себя намного выше, чем в самых знаменитых, богатых и культурных городах мира. Война — такая же тайна, как и противоречие чувств, вызываемых ею. Бессмысленно пытаться объяснить все это. Было бы ошибкой любить войну, но такой же ошибкой было бы не восхищаться ею. Пушкины могут катиться, горны могут продолжать трубить. Они могут смутить наш разум, но не потревожат мертвых, которые, без сомнения, знают секрет...

¹⁵ Местр, Жозеф де (1753—1821), французский философ, писатель и политический деятель (*прим. переводчика*).